

УДК 343.8

Неупокоева Ольга Васильевна (neupokoeva.o.v@yandex.ru)

Магистрантка Института юстиции

Уральского государственного юридического университета

Olga V. Neupokoeva

Ural State Law University

Institute of Justice, Master's degree student

Научный руководитель:

Козаченко Иван Яковлевич

Профессор кафедры уголовного права

Уральского государственного юридического университета

Доктор юридических наук

Academic supervisor:

Ivan Y. Kozachenko

Professor of Criminal Law department

Ural State Law University

Doctor of Juridical Sciences

ЧАСТНАЯ ПРЕВЕНЦИЯ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ НАКАЗАНИЯ

В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

PRIVATE PREVENTION IN THE APPLICATION OF IMPRISONMENT

AS A CRIMINAL PUNISHMENT

Аннотация: Анализируются сущность частной превенции как цели уголовного наказания и проблемы её достижения при применении наказания в виде лишения свободы. Отмечается, что высокий уровень рецидивной преступности в России указывает на неэффективность достижения данной

цели наказания. Предлагаются варианты снижения негативных последствий работы пенитенциарной системы за счет уменьшения тюремного населения, облегчения условий содержания, привлечения к службе в органах пенитенциарной системы квалифицированных кадров, взаимодействия с предприятиями, предоставляющими рабочие места осужденным и т. д.

Ключевые слова: частная превенция, лишение свободы, пенитенциарная система, исправление осужденных, ресоциализация, условия содержания осужденных.

Abstract: The essence of private prevention as the purpose of punishments for crimes and the problem of its achievement in the application of such punishment as imprisonment are analyzed. It is noted that the high level of recidivism in Russia indicates the ineffectiveness of achieving this purpose. The author offers to reduce the negative consequences of the work of the penitentiary system by reducing the number of prison population, alleviating the conditions of detention, recruiting qualified staff for work in the penitentiary system, interacting with enterprises that provide work for convicts and et cetera.

Key words: private prevention, imprisonment, penitentiary system, correction of convicts, resocialization, conditions of imprisonment.

Уголовный кодекс Российской Федерации¹ один из немногих в мире, который на уровне текста закона раскрывает перечень целей наказания [1, с. 259–260]. Так, к их числу относятся: исправление осужденного, восстановление социальной справедливости и предупреждение совершения новых преступлений. Последняя цель, в свою очередь, подразделяется теоретиками на общую и частную (специальную) превенцию, то есть предупреждение совершения преступлений иными лицами и самим осужденным, к которому применено наказание [2, с. 12–18].

Тем не менее, нужно понимать, что регламентация целей никогда не является залогом успешности их достижения, гораздо важнее наличие

1 Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.05.2019 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

механизмов, которые позволяют их достигать. Так, российский законодатель указал направление, которого следует придерживаться правоприменителю при применении к осужденным уголовного наказания. При его рассмотрении наблюдается некоторое влияние современных гуманистических тенденций, так, например, перечень целей был лишен понятия кары, которое ещё использовалось в Уголовном кодексе РСФСР 1960 года². Однако же, о качественном переходе от карательного к гуманному типу отношения к осужденным говорить рано, поскольку репрессивный оттенок сохраняет определение наказания через понятие «принуждение», завуалированно кара также скрыта за формулировкой «восстановление социальной справедливости». Также современный российский закон ещё не выделил такие цели наказания, выделяемые в законодательствах отдельных государств, как, например, ресоциализация осужденного, возмещение вреда пострадавшим от преступления, примирение преступника с потерпевшим и другие.

К тому же, законодатель фактически оставил без ответа вопрос о том, как приведенные в законе цели раскрывать при применении различных видов наказания. Так, остается неизвестным, как, например, достигается цель исправления осужденного при назначении ему наказания в виде штрафа, особенно в случаях, когда его выплачивает законный представитель за несовершеннолетнего, преступившего уголовный закон. Либо можно ли говорить о предупреждении совершения новых преступлений лицами, приговоренными к лишению свободы, когда в России наблюдаются весьма неутешительные показатели рецидивной преступности [3, с. 172–173]?

Тем интереснее отмечать, что зачастую страны, которые добились наибольших успехов при достижении данных целей наказания, даже не раскрывают их в законе. К числу таких государств относится, например, Норвегия, которая по сравнению со многими другими государствами добилась заметных успехов в предотвращении рецидивной преступности [4]. Как полага-

---

2 Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960 г.) (ред. от 30.07.1996 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

ют, успехи объяснимы последовательной, гуманной и криминологически обоснованной уголовно-правовой политикой, наличием механизмов, которые сдерживают преступные порывы осужденных и позволяют после отбытия наказания вернуться в общество в качестве его полноправных членов. Так, например, по результатам исследований норвежского криминолога Нильса Кристи была построена тюрьма Бастой, предназначенная для наиболее опасных преступников. Её особенностью является не только расположение на острове, по которому осужденные могут беспрепятственно передвигаться, но и выполнение осужденными различных земледельческих и животноводческих работ. «Мы даем заключенному чувство гармонии с природой. Это отвращает от насилия», – говорил Кристи [5].

Вроде как логично предположить, что положительный опыт других государств можно скалькировать на нашу почву и получить ожидаемый результат. Однако всё не так просто. Каждое государство имеет собственный путь развития во всех общественно важных сферах жизни, включая исполнение наказаний. Выбор направлений для достижения целей наказания остается за законодателем и может быть обусловлен множеством факторов, особенностей, определенных историческим путем развития страны, менталитетом граждан, доминирующей религией, географическими признаками, отношением её к той или иной правовой системе, целями внутренней и внешней политики, экономической ситуацией в стране и т. д.

Вернемся непосредственно к такой цели наказания как частная превенция и определим, каким образом она может проявлять себя на практике, и какие проблемы препятствуют эффективному её достижению в современной российской пенитенциарной системе.

Как уже отмечалось ранее, считается, что используемая в Уголовном кодексе Российской Федерации формулировка «предупреждение совершения новых преступлений» охватывает как общую, так и частную превенцию. Однако если толкование первой практически не вызывает споров

относительно характеристик, отражающих его сущность, то подходы к определению сущности частной превенции далеко не так однозначны. Одними учеными частная превенция может толковаться в качестве понятия, синонимичного другой цели наказания, исправлению, ввиду общности достигаемых данными целями результатов (отсутствие новых преступлений), в то время как вторыми она определяется через ограничения прав, создающих условия, затрудняющие или лишаящие физической возможности совершить новые преступления, либо вызывающие боязнь вновь подвергнуться наказанию [6, с. 235].

Рассматривая вопрос через призму достижения желаемого результата применения наказания – отсутствия со стороны осужденных новых преступлений, можно прийти к выводу, что и лишение лица физической возможности совершить преступление, и исправление осужденного при их грамотной реализации могут быть отнесены к разновидностям частной превенции. Более того, если рассматривать частную превенцию как цель-результат, то можно увидеть, что большое количество целей, как правило выделяемых в различных законодательствах и доктринах в качестве самостоятельных, являются целями-средствами, которые могут приводить к необходимому результату. Такие цели, как исправление осужденного, его ресоциализация, осуществление контроля со стороны специальных органов, изоляция от общества или даже физическое уничтожение опасного для общества лица посредством применения смертной казни при их достижении приведут к одному результату – отсутствию совершения новых преступлений.

Так, пожизненное лишение свободы весьма эффективно в достижении цели частной превенции. Оно сокращает вероятность совершения новых преступлений до минимума, то есть возможности совершения преступлений в стенах исправительного учреждения, а также в случае возможного условно-досрочного освобождения или побега из мест лишения свободы. Как минимум, данный вид наказания удобен для государства тем, что позво-

ляет с высокой долей вероятности защитить значительную часть общества, а значит и большую долю потенциальных жертв от возможных преступных посягательств со стороны конкретного лица. Данный вид наказания в простоте решения проблемы, как обезопасить общество от лиц, имеющих устойчивую склонность к совершению тяжких и особо тяжких преступлений, уступает только смертной казни. При применении данных видов наказания опасный элемент либо подвергается изоляции и постоянному строгому наблюдению за ним, либо просто уничтожается. Здесь не следует изобретать методики, которые бы позволили по отбытию наказания вернуть лицо в общество с наименьшим вредом для него самого и общества в целом.

Пожизненное лишение свободы может быть назначено лишь небольшому числу лиц, действительно опасных для общества. При этом действующая практика применения данного вида наказания, а именно фактическое отсутствие права на условно-досрочное освобождение при его юридической регламентации, неприемлема даже по отношению к наиболее опасным преступникам, поскольку она по своей сути не признает за такими людьми права на исправление. Данный факт не только свидетельствует о нарушении прав человека и гражданина, но и, порождая обстановку, где преступнику уже нечего терять, является фактором, оказывающим влияние на рост преступности в стенах исправительного учреждения.

Применение данного вида наказания к лицам, очевидно не представляющим непосредственной угрозы для окружающих, может свидетельствовать о нездоровом состоянии системы исполнения наказаний и государства в целом, неспособности найти рациональные способы снижения количества деяний, признаваемых нежелательными для государства.

Как было отмечено ранее, для лиц, в отношении которых применяется самое строгое из наказаний, назначаемых в современной российской пенитенциарной системе, практически закрывается дверь к возможности исправления. Однако далеко не все признают саму возможность исправления ре-

альной. Так, в двадцатом веке приобрела популярность доктрина, сущность которой Роберт Мартинсон определил фразой ‘Nothing works’ («Ничего не работает»). Её суть состоит в том, что различные средства исправления преступников не дают положительного результата, уровень рецидива остается прежним, исходя из чего сторонники данной доктрины приходят к выводу, что исправление попросту невозможно. Последствием принятия широкими слоями общества, а также официальными властями значительного числа государств данной доктрины стало усиление контроля в отношении лиц, совершивших преступление [7, с. 326–330]. Однако одна и та же теоретическая концепция привела к едва ли не прямо противоположным путям реализации. Так, например, в отдельных штатах США отсутствие результата в достижении цели исправления осужденных привело лишь к укоренению лишения свободы в качестве доминирующего наказания, а также к сохранению смертной казни. Тем не менее, показатели рецидивной преступности в США весьма неблагоприятны, чтобы рассматривать подобную модель в качестве образца для подражания. Гораздо интереснее путь Финляндии, гармонично вписавший идею «ничего не работает» в общую гуманистическую направленность реформирования законодательства. Данное государство реализовало политику, сущность которой заключается в снижении негативных последствий работы самой пенитенциарной системы, посредством планомерного снижения количества тюремного населения, поскольку места лишения свободы во многом не столько содействуют исправлению осужденных, сколько, наоборот, являются школами преступности.

Данный подход не указывает на отказ Финляндии от концепции превенции, а лишь говорит о том, что в государстве был принят оригинальный подход к её пониманию не как продукта устрашения, которое вызывает уголовное наказание, не как способа изоляции преступника от общества и не как следствия исправления преступника. Превенция тем самым проявляется в снижении доли наказаний в виде лишения свободы, после которых процент рецидива наиболее высокий, с их заменой иными видами наказа-

ний, носящими контрольный характер [8, с. 26–27].

Как уже отмечалось ранее, нет смысла вести спор о том, благодаря чему достигается снижение уровня рецидивной преступности: исправлению осужденных, выражающемуся в изменении системы ценностей, отношения к обществу и месту лица в нём, либо грамотному осуществлению контрольных функций, направленных на внешнее удержание от совершения преступлений. Главное – это достижение позитивной динамики в отношении числа совершаемых преступлений лицами, которые ранее были подвергнуты наказанию.

Тем не менее, наказания, связанные с применением жестоких методов обращения с осужденными, в число полноправных средств снижения рецидивной преступности можно включать лишь с большой осторожностью либо не включать вовсе. Смысл заключается не столько в том, чтобы соответствовать современным гуманистическим принципам, сколько в том, что данные методы действительно «не работают». Жестокое отношение и ужасные условия содержания осужденных к пожизненному лишению свободы могут подавить волю данных лиц, в том числе для совершения новых преступлений, но они же могут и, наоборот, спровоцировать на дополнительную агрессию, а значит и на совершение новых преступлений. При этом не следует забывать, что поощрение, в том числе негласное, подобных мер приводит к злоупотреблениям со стороны персонала исправительных учреждений, а значит и к новым преступлениям уже с их стороны. Об этом эффекте хорошо свидетельствуют результаты Стэнфордского тюремного эксперимента, проведенного в 70-х годах двадцатого века американским психологом Филипом Зимбардо. В ходе него среднестатистических студентов, не имеющих проблем с психикой и законом, случайным образом разделили на две группы: лиц, которые исполняли роли заключенных импровизированной тюрьмы, расположенной в подвале Стэнфордского университета, и лиц, которым досталась роль надзирателей. Всего

за шесть дней из четырнадцати, запланированных на эксперимент, иллюзия тюрьмы стала пугающе реалистична, воля и эмоциональное состояние «заключенных» значительно пошатнулись, а злоупотребления «надзирателей» начали приводить в ужас как наблюдателей, так и самих участников эксперимента [9, с. 50–61].

Что говорить о реальных тюрьмах, в которых подобные ситуации не прервешь окончанием эксперимента и в которых и заключенные, и персонал проводят не дни, а годы своей жизни. Выйдя из такой тюрьмы, человек не сможет жить в обычном обществе, подавленная воля, озлобленность, неумение действовать как обычный законопослушный член общества и клеймо преступника практически с неизбежностью возвращают освобожденного в исправительное учреждение, и никакой страх перед тюрьмой не способен перекрыть указанные причины рецидивов.

Основанием для применения наказания в виде лишения свободы должна быть, в первую очередь, необходимость защиты общества от возможных со стороны лица опасных насильственных посягательств. Так, невозможно отказаться от применения данного наказания, например, в отношении серийного убийцы или насильника. В отношении лиц, которые ввиду их опасности для общества и тяжести совершенных ими преступлений не могут избежать наказания в виде лишения свободы, задачей, направленной на минимизацию возможности злоупотреблений со стороны работников уголовно-исполнительной системы, должно являться максимальное повышение прозрачности работы исправительных учреждений посредством осуществления постоянного надзора за их деятельностью различными государственными и общественными наблюдателями, включая средства массовой информации и правозащитников.

В отношении же категорий лиц, не представляющих постоянной и непосредственной опасности для общества, вполне можно отказаться от применения данного вида наказания. Например, его можно не применять в отношении рядового члена группы сбыта наркотических средств,

дальнейшие действия которого можно бы было контролировать, например, посредством применения наказания в виде ограничения свободы. Уменьшение тюремного населения – задача, которую уже давно ставят перед собой многие государства. Поместить лицо под стражу – самый простой путь предупреждения совершения новых преступлений на период исполнения наказания, но он при настоящих условиях отбывания наказания может лишь усугубить положение преступности в стране. Часть лиц, которые в настоящее время помещаются под стражу, вообще не нуждались в исправлении, оказавшись преступниками по воле случая, но отбыв срок заключения, а также столкнувшись с обычными проблемами осужденных, покидающих места лишения свободы, уже могут не иметь другого выхода, кроме как пойти на новое преступление.

Облегчение условий содержания также необходимо. Суровые условия не могут способствовать достижению целей уголовного наказания, а лишь усугубляют чувство отчуждения от общества и настраивают преступника против мира. Условия содержания российских преступников в целом оцениваются как довольно суровые. Однако прямое заимствование моделей западных тюрем, внешне скорее напоминающих приличные гостиницы, невозможно ни экономически, ни исходя из условий жизни большинства граждан Российской Федерации. В нашем обществе наблюдается значительная социальная стратификация, огромное число людей живут за чертой бедности и не могут позволить себе условия жизни, даже отдаленно напоминающие условия содержания, например, в тюрьмах Норвегии. Прямая калька стала бы абсурдной, не отвечающей условиям жизни в стране. Обстановка в тюрьмах должна предоставлять минимально необходимый набор удобств, которыми в повседневной жизни обеспечен среднестатистический житель России. В противном случае можно свести на нет общую превенцию. Наказание не может исполнять мечты о лучшей жизни малообеспеченных граждан, но при этом и не должно достигаться за счет ущемления

человеческого достоинства и прав человека.

Даже минимальное улучшение условий требует вложения значительных денежных средств. Уже в настоящее время пенитенциарная система требует значительных государственных расходов. Решить данную проблему мог бы элемент частности, самокупаемости в исправительных учреждениях, осуществляемый посредством регулярного и повсеместного сотрудничества исправительных учреждений с производственными, которые бы как давали рабочие места осужденным, так и приносили доход обеим сторонам сделки [10, с. 52–55]. Решению ещё одной наболевшей проблемы, ресоциализации преступников, способствовало бы также сотрудничество с различными организациями с целью предоставления рабочих мест лицам, отбывшим наказания. Страх организаций перед такими работниками понятен, но его преодоление можно было бы стимулировать, например, посредством предоставления им налоговых льгот и иных мер поощрения. Ставку при этом логично было бы сделать на тех специальностях, на которые зафиксирована наибольшая востребованность на рынке труда в настоящее время. Обучение данным специальностям при этом можно было бы осуществлять в процессе отбытия наказания.

Необходима и грамотная система подготовки кадров органов уголовно-исправительной системы. В настоящее время к числу требований, предъявляемых к данным работником, не относится даже наличие высшего образования, на работу с наибольшей охотой принимают физически здоровых, сильных мужчин, в то время как, например, в Норвегии число женщин, работающих в органах пенитенциарной системы, практически соответствует числу мужчин, а в Польше давно разработана многоуровневая система подготовки кадров, включающая овладение будущими работниками уголовно-исправительной системы комплексными знаниями в области юриспруденции, психологии и педагогики, а также узкоспециализированными навыками, направленными на разрешение конкретных задач

уголовно-исполнительной системы [8, с. 15–16]. Именно благодаря работе грамотных специалистов, способных увидеть истинные причины совершения конкретными людьми конкретных преступлений, содействовать исправлению осужденных, формированию у них полезных навыков, и возможна ресоциализация осужденных, подготовка их к жизни на свободе, и при благоприятном исходе пресечение совершения ими новых преступлений. Данная система бы положительно сказалась как на осужденных и пенитенциарной системе в целом, так и повысила бы ценность юридического образования уголовно-правового профиля, которое на современном российском рынке труда практически не востребовано.

Абсолютная эффективность в достижении цели предупреждения совершения новых преступлений лицами, подвергшимися наказанию в виде лишения свободы, вряд ли возможна, но даже частичная частная превенция, имеющая результатом положительное воздействие на отдельных осужденных, должна быть неременной целью государственной уголовной политики. Необходимо не бояться признавать существующие ошибки, искать новые подходы в регламентации и практической реализации положений об уголовных наказаниях, учитывать положительный опыт других государств, принимать иные возможные меры по минимизации отрицательных воздействий при применении наказаний, и тогда станет возможным говорить об успехах в достижении цели предупреждения совершения новых преступлений лицами, ранее привлеченными к уголовной ответственности.

Библиографический список

1. Додонов В. Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть: монография. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 446 с.
2. Курс уголовного права: учебник: в 5 т. / под ред. Н. Ф. Кузнецовой. – М.: Зерцало-М, 2002. – Т. 2. – 464 с. // URL: <https://jurisprudence>.

-
- club/ugolovnoe-pravo-uchebnik/tseli-nakazaniya.html (дата обращения: 20.04.2019 г.).
3. Козаченко И. Я., Корсаков К. В. Криминология: учебник и практикум для бакалавриата и специалитета. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 277 с.
  4. Страх мало кого может исправить // Росбалт. URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2014/11/15/1336393.html> (дата обращения: 20.02.2019 г.).
  5. Остров Бастой: норвежская тюрьма для особо опасных преступников и мечта каждого заключенного // Big Picture. URL: <https://bigpicture.ru/?p=624429> (дата обращения: 20.02.2019 г.).
  6. Козаченко И. Я., Новоселов Г. П. Уголовное право. Общая часть: учебник для бакалавров– М.: Издательство Юрайт, 2014. – 479 с.
  7. Сергеев Д. Н. Социальные и правовые аспекты постпенитенциарного контроля: монография. – М.: Проспект, 2018. – 192 с.
  8. Овсянникова А. Пенитенциарные системы и пенитенциарные реформы в зарубежных странах. Аналитический обзор / под ред. А. Овсянниковой, Э. Россман. – М.: Центр стратегических разработок, 2017. – 42 с.
  9. Зимбардо Ф. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев / пер. с англ. – М.: Альпина нон-фикшн, 2013. – 740 с.
  10. Чернышов И. Н. Экономика и пенитенциарная система: поиск модели сотрудничества // Национальный интересы: приоритеты и безопасность. – М.: ООО «Издательский дом Финансы и Кредит», 2015. № 42 (327). – Т. 11. – С. 52–62.